

НАВЕРНОЕ, это было в значительной мере банальным — спрашивать художественного руководителя Государственного симфонического оркестра Союза ССР Евгения Светланова о его дирижерском дебюте: так начинаются все беседы с прославленными артистами — первый выход на сцену, первые шаги в искусстве?.. И все же именно с этого начался наш разговор.

— Дирижерский дебют? Забавный, почти трагикомический случай. Пятнадцать лет назад весной в консерватории был полужакрытый концерт из произведений студентов-композиторов, и я дирижировал своим сочинением — симфонической поэмой «Даугава» (мне посчастливилось обучаться сразу на двух факультетах). Казалось бы, все шло неплохо и я уже был близок к финалу поэмы, как вдруг валторнист заиграл в два раза скорее, чем написано в нотах. Неожиданно для самого себя я последовал за ним, кое-кто из музыкантов примкнул к нам, а кое-кто не понял, что происходит, и продолжал играть в заданном с самого начала темпе. И я с ужасом почувствовал, как под моими руками оркестр постепенно расплывается, затихает, подобно пластинке на старом патефоне. Все остановилось, воцарилась мрачная пауза. В гробовой тишине мне не оставалось ничего более, как произнести цифру «сорок» и начать играть сначала... Казалось — полный провал. Но после концерта ко мне подошел один из преподавателей и очень доброжелательно, утешительно сказал, что такое случалось со многими и это даже хороший признак: значит, теперь такого долго не будет...

— Вы дебютировали как симфонический дирижер, но затем были тесно связаны с оперой?

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

ке», казачка в «Онегине»... Кстати, все это оказалось неплохой школой для меня как будущего дирижера музыкального театра — познавал репертуар, ежедневно смотрел спектакли «изнутри», наблюдал работу дирижера. В общем, мне по-настоящему повезло. Я работал дирижером в Большом театре десять лет — от стажера до главного. И все это дало мне очень много. Кроме опер, дирижировал и балетами — участвовал в постановке таких спектаклей, как «Паганини», «Тропой грома», «Ночной город». Но основным для меня была опера...

— Что же дала вам опера как симфоническому дирижеру?

— В наше время ни один круп-

тику для каждого симфонического дирижера?

— Мне кажется, это очень желательно. Но мне не хотелось бы, разделяя дирижеров на оперных и балетных, симфонических и театральных, эстрадных и прочих, отдавать предпочтение тем или иным. Я бы лично разделял дирижеров на хороших и плохих, имея в виду, что хороший дирижер должен уметь делать все. Очень важна творческая взаимосвязь дирижера с оркестром — стремление к единому творческому мышлению, пониманию, общему дыханию. Идеально, когда предложенное дирижером незаметно и естественно захватывает каждого музыканта оркестра. Тогда-то и рож-

дается подлинная музыка.

— Ну, а в отношении репертуара? В минувшем сезоне вы дважды обращались к концертному исполнению оперы. Считаете ли вы достаточно правомочным такой жанр? Ведь в концерте опера неминуемо что-то теряет — зрелищность, например, театральность в хорошем смысле этого слова?

— Я думаю, опера в концертном исполнении звучит вполне убедительно и такие концерты-спектакли стоит организовывать чаще. В этом меня убедил, скажем, интерес слушателей к «Тоске». Ведь в «концертной опере» слушатель остается наедине с музыкой и воспринимает ее, быть может, даже более полно, чем в театре. Что же касается театральности, известно — «каждая верно спетая фраза» — это наполовину сыгранный эпизод. Стремясь продолжить наши поиски в опере, мы собираемся показать «Отелло», «Псковитячку», «Андре Шенье»... Кстати, несколько слов о репертуарных планах оркестра: в будущем сезоне оркестр намерен сыграть все симфонические произведения Чайковского (к семидесятилетию со дня смерти композитора), хотелось бы со временем включить в репертуар и все симфонические сочинения Мясковского, в будущем же сезоне намечено исполнение нескольких оркестрами нашей страны всех вокальных циклов и симфоний Густава Малера. Госоркестр примет в этом самое активное участие. Меня это очень радует, потому что Малер — один из самых любимых мною композиторов и каждая встреча с его творчеством дает мне очень многое.

— Каким представляется вам путь творческого совершенствования главного дирижера как художника?

— Ответить можно очень коротко — полнота ощущений жизни во всех ее проявлениях — природа, путеше-

рижирование наизусть дает возможность не только жести, но и глазами «общаться» с оркестром, не быть связанным с партитурой, чтобы музыка была и в голове, и в сердце. Тогда создается большая свобода для совместного музицирования дирижера и оркестра. Умение сообщать музыкантам свою волю, свое намерение по возможности не словами — дирижер немой, но не глухонемой — вот труднореализуемый идеал, к которому надо стремиться. Разумеется, огромную роль в создании оркестрового ансамбля играет слух дирижера. Я бы сказал, что оркестровый ансамбль прямо пропорционален горизонту музы-

кального слуха дирижера, не обязательно абсолютного, но непременно очень острого, вникающего в самую оркестровую «кухню»... Что же касается жеста, его предварительной отработки чуть ли не перед зеркалом, — по моему, движение музыки изнутри само подскажет ту или иную внешнюю естественную форму, внешний жест, выражение чувства и мысли, а предварительная «репетиция» жеста, с моей точки зрения, — полная схоластика, алхимия в нашей практике. Что необходимо? Равновесие эмоций и техники, чувства и разума, сердца и интеллекта. Кстати, все это, вместе взятое, и позволяет нам считать дирижирование профессией музыканта.

— Разве кто-нибудь сомневается в том, что дирижирование — профессия?

— К сожалению, да. Недаром Римский-Корсаков писал о «всеобщей мании дирижирования» в одной из своих статей, специально посвященных этой проблеме, писал больше семидесяти лет назад. А сейчас — новая волна «всеобщей мании дирижирования». Вот считается, что нелегко овладеть вершинами исполнительства на том или ином инструменте. Совершенно верно. Но я не могу согласиться с тем, что овла-

деть дирижированием проще. Вообще профессия дирижера — одна из самых трудных как по отдаче калорий, так и по комплексу всего, что дирижер должен знать и уметь. Мне кажется, многому можно научиться, но дирижером надо родиться. Дирижер — это прежде всего призвание. Весьма возможно, что мое убеждение спорно.

— Ну, а когда за дирижерский пульт становится композитор?

— Это особая статья, и к композиторам-дирижерам стоит подходить с несколько иными требованиями. Я не говорю сейчас о таких музыкантах, как Рахманинов, Рихард Штраус, Малер, которые были ге-

оно будет звучать у этого дирижера. Мравинский же, обращаясь к творчеству Шостаковича, рос от премьеры к премьере как дирижер. Тщательная совместная работа композитора и дирижера над партитурой приводила к тому, что все складывалось логично, не было ничего случайного и каждая новая работа великого композитора вполне закономерно становилась событием. Именно Мравинский давал им путевку в жизнь. И он был и остается лучшим интерпретатором творчества Шостаковича. Это ясно всем — и профессиональным музыкантам, и миллионам слушателей.

— Кстати, о слушателях, публике... Каковы, с вашей точки зрения, ее «взаимоотношения» с симфонической музыкой?

— Публика всегда точно реагирует на подлинное искусство, остро чувствует его. Здесь, как правило, ошибок не бывает, несмотря на то, что случается и неважное исполнение гениальной музыки, и очень хорошее исполнение музыки средней. Парадокс? Да, но это так. Он оправдан, быть может, тем, что атмосфера, в которой мы живем, не может не повлиять на развитие человеческого слуха и вкуса к музыке. Даже то, что нам, музыкантам, подчас казалось сложным, теперь воспринимается публикой в основном просто и ясно — и Шостакович, и Прокофьев, и Малер, не говоря уже о Дебюсси и Равеле. Это, повторяю, общий процесс — им захвачены и музыканты, и публика, посещающая симфонические концерты. Поэтому если разделять программы на «трудные» и «легкие», можно ошибиться. Вот мы играли на Украине, в Ульяновске, Рязани такие в общем-то сложные произведения, как «Весна священная», «Поэма экстаза». Одиннадцатая симфония Шостаковича, и чувствуя, как слушатели воспринимали их, реагировали на них, убеждались в том, что им это искренне интересно и абсолютно понятно. Так что я настроен очень оптимистично. Симфоническая музыка привлекает к себе с каждым днем все новые и новые тысячи людей, находящихся в ней наслаждение, что-то очень жизненно важное для себя, помогающее жить, мыслить, помогать друг другу...

Беседу записала Наталья ЛАГИНА.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОФЕССИИ
КОММЕНТАРИЙ К ПРИЗВАНИЮ

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Что вы подразумеваете в данном случае под пением? Только ли кантилену?

— Отнюдь. Пение в оркестре — понятие куда более широкое. Это тембральность, воздух, дыхание.

— А вы считаете необходимым предварительную театральную подготовку музыкантов к симфоническому исполнению?

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-

— Да, и это было для меня не случайным. Почему? Я любил театр с детских лет — фактически даже вырос в нем: в Большом работали мои родители. Самому же мне довелось появиться в Большом театре в трех инстанциях. Сначала я пел в детском хоре. В войну был артистом миманса — выступал и в опере, и в балете целый сезон. Изображал, например, лешего в «Снегуроч-